

16+

*С ногами на
подоконнике*

О.Н.Калашян

Ольга Калашян

С ногами на подоконнике. Повести

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Калашян О. Н.

С ногами на подоконнике. Повести / О. Н. Калашян — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Будь на то воля автора, героиня картины «Поцелуй» Ф.А. Моллера непременно ушла бы за рамку, с досадой вытирая щеку, и поспешила бы на другое полотно - «Влюбленные» Р.Магрида, чтобы сорвать простыню с мужчины и заставить его смотреть только на себя. В книге представлены три разные повести о любви, главные героини которых храбро меняют свою жизнь, чтобы любить. Эти повести о том, что мы пишем нашу жизнь сразу на чистовик, а потому делать это надо на хорошей бумаге, красивым пером, яркими чернилами и с любовью.

Содержание

Наяву	5
С ногами на подоконнике	13
Часть 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Наяву

«Самый беспомощный и потерянный человек – это тот, кто заблудился в коридорах собственной памяти. Туда никто не может добраться, чтобы спасти его».

Айзек Азимов. Камешек в небе

Привет. Я не знаю, что пишу в письмах бывшим возлюбленным. Это очень странно... Надо признаться тебе, милый. Уже который раз решаю, но звуками страшно, трудно... Будто они обнажают что-то. Буквы мне ближе. Они друзья, все поймут и смогут тебе рассказать.

Я сумасшедшая, наверно, – живу двумя жизнями. Одна днем, вторая ночью: когда я засыпаю, начинается все самое интересное и важное. Настоящее. Во сне мой мир рядом с твоим. Они переплетаются, затягиваясь в тугой морской узел.

Сегодняшнее воскресенье началось с запахов блинов и кофе. Сонный кот лениво лижет лапу, а сквозь тонкую фанерную стену слышно, как у соседей чирикают попугаи. Мы садимся с мужем за круглый стол с вращающимся центром – очень удобно, не надо передавать ничего друг другу. Это исключает диалоги и дарит покой. Муж сидит в полосатой пижаме и улыбается мне. На его щеке румянец и следы от подушки. Сегодня я брошу его. Потому что это все ненастоящее.

Вчера я еле дождалась, когда закончится рабочий день. Пробегут перед глазами все сметы, цифры, подписи, я заведу мотор своей машины, простою два часа в пробках до дома, потом еще полчаса в поисках парковки под скользким жидким небом, и наконец я в лифте. Я захожу домой, кидаю со звоном ключи на стеклянный столик, стягиваю через голову колючий свитер, спускаюсь с высоты каблуков в мягкие тапки. Делаю горячее какао и бегом в кровать. Надеваю свою лучшую шелковую пижаму, взбиваю большую подушку и стараюсь скорее заснуть. Потому что ночью у меня с тобой опять свидание.

Я закрываю глаза. Комната начинает медленно плыть, дрожит дверь... Дрожит, словно в луже, мой шкаф...

Я сплю. Как всегда, добраться до тебя трудно. В прошлый раз нужно было пережить целое наводнение. А сейчас мне приходится идти по длинной дороге между двух многоэтажек. Идти, идти... А она все не кончается. Или я иду медленно. Но быстрее никак. Ноги вязкие, будто тонут в болоте. Приходится отрывать их с усилием. Но я продолжаю идти. Я знаю, что в одном из домов ты празднуешь свой день рождения, будет много гостей. Сзади меня догоняет пес, трется, как кошка, о мои джинсы. Замечаю, что у него три лапы и глаза больные. Как же я могу пройти мимо? И ни одного магазина, нечем накормить... Беру собаку под мышку. Накормлю у тебя дома.

Идем вместе. Пес дрожит – то ли от страха, то ли от холода... И вот мы наконец почти дошли. Впереди желтое здание, похожее на ломоть пирога. Свет горит только в одном окне на третьем этаже, и я точно не ошибусь. Открываю красную входную дверь, вызываю лифт, но он, кажется, неисправен. Слышу, как он ездит между верхними этажами, скользит, как желе... Жму обгоревшую кнопку, но до первого все никак не доезжает. Ладно, пойду пешком. Пес, сможешь идти сам? Лохматый какой! Вроде повеселел – видимо, в предвкушении еды. Поднимаемся. У самой твоей квартиры поправляю платье. Синее в горох, в левом кармане записка. Открывается дверь, пес быстро юркает в квартиру, в шумную шевелящуюся толпу. Я пытаюсь высмотреть среди гостей тебя: чьи-то чужие макушки мелькают, но родной не вижу. Беру тарелку, кладу торт, салат и свиные ребрышки. Подзываю своего трехлапого друга. Ну все, долг выполнила. Теперь пойду искать тебя. Заглядываю во все комнаты – такое ощущение, что

их тысячи: одна дверь, вторая... Везде пусто. Подхожу к балкону и вижу сизый дым, который струится из окна на улицу. Чувствую, что это ты выпускаешь пушистые колечки. Делаю шаг... Вижу фигуру. Внизу живота нервно щекочет. Все потому, что это ты.

Просыпаюсь от влажных рук мужа. Падаю откуда-то сверху вниз на подушки.

– Привет, солнышко. Извини, что разбудил. Ты такая сладкая была во сне... Не удержался.

– Вот черт, Дима... У меня такой сон был!

– Ну извини. Мой маленький монстрик, попьешь со мной чаю? Я так соскучился.

На часах всего два ночи. Это значит, что у меня есть немного времени на чай. Все равно я бы чего-нибудь съела, такая тоска внутри.

– Ладно... Пошли. В холодильнике осталось немного пюре и бефстроганов. Как закуска к чаю пойдет?

– Еще бы! Я голодный как волк.

Налетаем вместе на еду, он что-то рассказывает мне о работе, смеется, кашляет, жестикулирует, а я жадно запихиваю в себя еду. Не стесняясь, вытираю рукавом пижамы рот, волосы взъерошены, и, наверно, я похожа на лешего в этот момент. За что он меня любит?.. Не дожидаясь конца истории, дежурно целую его в щеку, прыгаю обратно в кровать и вру:

– Слушай, я сегодня замоталась – так хочется спать!

Заснуть второй раз всегда намного труднее. Стараюсь вспомнить в деталях, что я видела в предыдущем сне, чтобы попасть на то же самое место. Нет времени искать тебя заново. И терпения тоже.

Сплю. Картинка дрожит. Вижу в ней себя со стороны. Как стою спиной к окну и беру сигарету из твоих рук. Вокруг полумрак, и ты такой красивый в нем. Высокий, крепкий, клетчатая рубашка закатана до локтя, и я могу смело разглядывать твои сильные руки. Красивые руки. Мы молчим... Я не смею заговорить первая. Трусиха, не знаю, что сказать. А ты только смотришь прямо мне в глаза пристально, откровенно. И я чувствую себя под твоим тяжелым мужским взглядом голой и беспомощной. Ты все знаешь, конечно же.

Не в силах терпеть безмолвные откровения, отворачиваюсь к окну, провожу влажной рукой по холодному стеклу. Чувствую твоё тепло рядом. Ну же... Обними меня... Хотя чего мне стесняться? Это же сон. Я смотрю тебе в глаза, обвиваю руками шею, целую в шею. Как хорошо! Хочется кричать. Господи, как хорошо целовать тебя... Сейчас еще немного поцелуев – и отдам тебе то, что у меня в кармане... Давно пора отдать. На твоей кухне свистит чайник, и я просыпаюсь. Тону в одеяле и простынях, барахтаюсь что есть мочи в этой белой текстильной пене, и не выбраться... Не выбраться обратно к тебе.

– Доброе утро, милая. Я голубцы грею, будешь?

– Да. На меня парочку, пожалуйста.

Под одеялом так тепло, что не хочется высовывать даже нос.

Сегодня все тот же серый день сурка. Выражение лица у меня как у Билла Мюррея. Иногда я задаю себе вопрос: какой день я хотела бы проживать вновь и вновь? Точно не этот. Этого дня пока не наступило, но когда ты будешь рядом, все будет иначе.

Проклятая серая жижа под названием «вторник октября» закончилась. Я дома. В квартире темно, стягиваю сапоги и падаю в одежде на диван. Натягиваю теплый вязаный плед по самую макушку. Ноги крестиком, колени под грудь. Голова начинает приятно плавать.

Сон. Я сижу на работе. На улице уже глубокий вечер, все беззвучно собираются домой, тихо шелестя бумажками, чтобы не привлекать к себе внимания. Я подсчитываю последнюю смету, проверяю расчеты.

За окном разыгрался ураган, и старые окна в офисе испуганно скрипят, бьется о раму плохо закрытая форточка. Неужели сегодня я тебя не встречу? Быть такого не может, ведь я ясно чувствую тебя где-то рядом.

– Антон?

За соседним столом вдруг сидишь ты.

– Как ты тут оказался?

Ты не отвечаешь на мой вопрос, только молча встаешь и подходишь к моему столу. Чем ближе ты, тем больше воздуха набирают мои легкие, тем больше дрожит прядь волос. Я хочу сказать тебе что-нибудь непринужденное, но при этом очень важное, и совершенно не знаю, что. Но это ни к чему – ты обходишь стороной мой стол и уходишь на улицу. Я немею. Ты не заметил меня?.. Меня?!

В моем сне нет алкоголя, и очень жаль: сейчас я бы выпила чего-нибудь крепкого...

Проходит какое-то время, и ты возвращаешься в офис. Взъерошенные волосы, румянец, тяжело дышишь, видимо бежал. Подходишь к моему столу и кладешь свою руку рядом с моей.

– Катя...

– Да? – Мне хочется, чтобы мой голос звучал уверенно, но он дрожит.

– Катя, мне нужен один документ...

– Какой? – спрашиваю я, а сама думаю: какого черта? Ты ведь не работаешь здесь.

Ты берешь компьютерную мышку и водишь курсором по экрану медленно и бесцельно, а потом случайно наши кисти касаются... И тут рождается ощущение чего-то невыносимо родного.

Знаешь, есть такой синдром Туррета, когда человек выкрикивает всякие бранные словечки. Так и мне хочется выкрикнуть хоть что-нибудь, чтобы снять это напряжение внутри. Словно я киплю и никто не снимает крышку.

Ты медленно берешь мою ладонь, наверняка чувствуя ее жар и дрожь, и заключаешь в свою огромную мужскую... Сколько в ней трещинок, сколько бороздок – каждая отвечает за какое-то событие в жизни. Я хочу быть всеми ими без исключения. Хочу течь по ним, заполнять их... Милый... Документ... Да-да, сейчас... А может, ты про мое письмо?

Просыпаюсь. Так и не успев ничего сказать.

Шаркаю на кухню, заглядываю в пустой холодильник, потом смотрю на спящего мужа, который завернулся в одеяло, словно в кокон. Спит на моей подушке, а его валяется на полу. Вор. Быстро натягиваю мастерку и иду в ближайшее кафе. Субботний завтрак я хочу провести одна.

Глупое, дурацкое утро. Пустое утро.

Иногда мне кажется, что я не в себе. Возможно, так оно и есть. Я отпрашиваюсь раньше с работы, чтобы скорее оказаться в спальне и больше поспать, на выходных покупаю снотворное, чтобы спать крепко до последнего. Вот и сегодня. Очередная суббота, он играет в хоккей. Вечер только наш, любимый.

Сегодня на удобном сером диване. Обложила подушками. Полторы таблетки, немного фармацевтической магии, и вот... Теплый поцелуй сна...

Сон. Мы едем с мужем на какой-то очередной праздник. Заходим в банкетный зал – он кишит людьми. Большинство лиц мне незнакомо. Муж встречает какого-то старого друга, и мы разбредаемся по разным концам огромного круглого зала. Я подхожу к столику с напитками, беру самый большой бокал и просто брожу среди людей. Все суетятся, много смеются и мало

говорят. Мне душно... Пытаюсь пробраться к выходу и натываюсь на мужа. Он смотрит на меня, что-то бормочет невнятное, а я резко ему отвечаю. Он шепчет: «Ты ненавидишь меня». Я смотрю на его кривые от обиды губы, но мне уже все равно...

А ты сидишь один на огромном рваном кресле, смотришь рассеянно по сторонам, грустный и одинокий, весь в своем мире. Я уже не хочу уходить. Я наблюдаю за тобой: как ты трогаешь бороду, как хорошо сидит на твоей широкой спине пиджак. Допиваю залпом то, что было в моем бокале, и на меня находит что-то безумное и отчаянное. Я выбегаю в центр зала и танцую как сумасшедшая, машу руками, кружусь, кидаю в толпу браслеты и наконец падаю без сил на пол... Поднимаю глаза и вижу, что надо мной стоишь ты и протягиваешь руку:

– Пойдем отсюда.

– Пойдем, – отвечаю я.

И мы идем рядом. Я обхватила рукой твой мизинец. Моего кулака как раз хватает на него. Я следую молча, мне все равно куда. Мы выходим из зала на улицу, вокруг тихий вечер. Садимся на ступеньки и закуриваем сигареты с желтым фильтром – словно из старых ковбойских фильмов. Ты такие любишь.

– Катя.

– Ау?

– Что случилось?

Мне хочется сказать про проблемы на работе, про то, что я устала, про семью, про него, про тебя. Но я молчу.

– Катя, пойми, муж может быть только один.

Такого я вообще не ожидала услышать, мне больно смотреть на тебя, я ковыряю носком туфли землю.

– Мы ничего не можем уже поделать. Ты замужем... Милая... Ну чего ты хочешь? Ну хочешь, пойдем и переспим прямо сейчас! Ты этого хочешь?!

Я плачу. А потом просыпаюсь. Удушье утра.

Не люблю такие встречи с тобой. Почему я не могу ответить тебе во сне?.. Весь день хожу с тяжелой ношей на плечах.

На коленях лежит кот и запотевшими от удовольствия глазами следит за моей правой рукой, которая чешет его апельсиновый живот. Левую же запустила в свои волосы, накручиваю из них спирали, думаю о тебе. Ты так давно не снился мне. Уже неделя прошла. Я чувствую, как теряю ощущение тебя.

Сегодня я проснулась от того, что меня целовал муж. Безвкусными губами.

– Доброе утро, милая. Закроешь за мной дверь?

– Доброе. Закрою.

Спустилась с кровати, мягкими от сна ногами последовала за ним к двери.

– Знаешь... Мне надо побыть одной.

– Не понял... – Он застыл в дверях с сумкой в руках.

– Побыть одной. Ну, без тебя.

– Сегодня?.. Не понимаю... Ты еще спишь?!

– Нет. Я серьезно. Ты понял, о чем я.

– Девяносто девять из ста подобных фраз заканчиваются расставаниями.

– И эта тоже... Просто трудно сказать «мы расстаемся». А эта фраза – полушаг. Хотя все и так понятно.

Он грузно опустился на табуретку в прихожей. Словно сразу прибавил в весе. И кажется, что вот-вот заплачет. Большой, сильный мужик, а губа по-детски дрожит.

– Только никаких слез. Прошу... Только без слез. Тогда я начну тебя жалеть, а ты в этом не нуждаешься.

– Ты разлюбила меня?

– Я полюбила другого.

Молчание.

– Кто он?

– Мужчина из снов.

– Ты издеваешься?!

Он побежал на кухню, разбил рамку со свадебным фото, открыл окно, закурил сигарету.

– Ты же не куришь.

– Пошла ты к черту...

Вот и все.

Сегодня я не могу работать. Цифры наскакивают друг на друга, переворачиваются... В руке дрожит карандаш. Я написала тебе, что прошу встретиться, а ты молчишь. Позвонить? Я боюсь. Подожду еще. Сердце прыгает. Кусаю губы, руки холодные от волнения.

Пришел ответ. Ну вот, в семь у тебя.

Бросаю машину у работы, еду на метро. Так быстрее, так успею еще выбрать, что надеть, и принять душ.

Убегаю домой. Он собирает вещи. Пробегаю мимо, напрямик в гардеробную. Запираюсь изнутри. Сажусь на холодный пол, чтобы немного перевести дыхание. Осматриваю свои владения. Длинное платье?.. Нет. Мы же не в театр идем. Брюки? Нет. Нет! Все не то. Трачу полчаса на сборы, в итоге надеваю небесно-голубую кашемировую кофту и серые джинсы. Распускаю волосы. Передумываю и завязываю в тугий конский хвост. Потом опять распускаю волнами.

Ты живешь совсем рядом, в пяти минутах, через два дома. Но я вышла намного раньше. Не могла находиться дома. Там он, тоска и наши с ним ошибки в тяжелых чемоданах. Бегу сквозь морозящий дождь, треща подошвами об асфальт, бегу так быстро, что задыхаюсь. Поднимаюсь на второй этаж. Еще шесть ступенек вверх – и буду на месте. Но пока остановилась у окна. Забралась с ногами на подоконник, прижала к груди коленки. Неужели я тебе все расскажу?

Достаю из внутреннего кармана пальто заначку в виде сигареты. Я не курю, но эта – на случай апокалипсиса. Моя курительная палочка немного поломалась, но это не беда. Зажимаю пальцами трещину, прикуриваю. Длинные затяжки, как перед прыжком в бездну.

Сижу так полчаса, не решаясь подняться к тебе. Слышу, как наверху открывается дверь. Шаги немного вниз. Остановка. Щелчок зажигалки гулко разлетается по пустым лестничным клеткам. Я ЗНАЮ, что это ты. Тебе тоже тревожно, и это придает мне смелости. Терпеливо жду, когда ты докуришь. Скрип двери. Мне пора.

– Привет, – говоришь ты, стоя в дверях. Без бороды вовсе, только легкая щетина. Серый свитер на молнии слегка расстегнут и помят. Потертые широкие джинсы, задний карман оттопырен пачкой сигарет.

– Привет. – Слова тихо выкарабкиваются из моих губ.

– Ну проходи же.

Вхожу в комнату. Совсем все по-другому. Другая мебель, шторы, все не как в моих снах. Даже странно.

– Нальешь мне выпить?

Я улыбаюсь и дрожу.

– Конечно. Что будешь? Виски, вино? К сожалению, это все.

– Виски. Вино – несерьезно. – Смотрю, как ты споласкиваешь пыльный стакан из шкафчика. Либо у тебя давно не было гостей, либо они все непьющие.

Я сижу на твоём мягком коричневом диване, маленькая и несчастная. От волнения мне хочется громко реветь, оглушая тебя. Подошел ко мне тихо – большой, реальный, забитые татуировками руки беспомощно висят вдоль тела.

– Ну как ты? – Красиво искривил бровь в знак вопроса.

– Я... Я дерьмово.

– Надо же. – Ты порядком удивлен.

– Хотя что я хотел услышать. То, что ты пришла ко мне, свидетельствует о том, что либо больше некуда, либо...

– Антон! – резко перебиваю тебя, – Антон. Мне плохо. Без тебя. Понимаешь?

– Это что? Розыгрыш такой?

– Пожалуй, мне лучше уйти...

Я быстро хватаю свою сумку и направляюсь к двери. Ты следуешь за мной. Смотришь, как я нервно натягиваю пальто и не могу попасть в правый рукав.

– Катя... Катя, подожди. Ну прости.

Но я ничего уже не слышу. Справившись с одеждой, я хватаюсь за холодную ручку входной двери.

– Катя!

Не могу пошевелиться.

– Прости. Я просто дурак. Удивленный и ошарашенный. Ничего не понимаю... Мы ведь расстались три года назад. Это как в другой жизни было. Ты вышла замуж. Выглядела такой благополучной... В общем... Раздевайся давай и проходи на кухню. Я буду кормить тебя вкусной... да хоть бы пастой. Я помню, что, когда ты ешь, ты успокаиваешься. Я помню это. Поедим и попробуем поговорить еще раз.

Послушно повесила пальто на крючок. Села снова на диван. Обхватила ноги руками, уткнула нос в колени. Молчим. Ты начинаешь неуклюже готовить ужин. Встаю, чтобы помочь тебе и чем-то заняться, куда-то деть себя. На твоей маленькой кухне сложно развернуться двоим, поэтому мы невольно задеваем друг друга плечами, я сквозь тонкий свитер чувствую твоё тепло. Волнует ли меня это? Не понимаю.

– Почему ты ушла от меня?

Этот вопрос – словно топор, брошенный в дерево. Глухим звуком в спину мне.

– Разве это имеет значение сейчас?

– Черт возьми, ты в своем репертуаре... Ты возникаешь внезапно на пороге со своими мыслями, рассуждениями, выводами. Но не хочешь мне позволить сделать свои! – Ты начинаешь понемногу заводится. – Почему. Ты. Ушла.

– Антон, я не знаю, правда. Я так часто сама задавалась этим вопросом. Ну прости... У меня нет ответа.

Комкаю в кармане желтый листик, я не забыла его. Он со мной сегодня.

– Когда-то давно был ответ. Я даже написала тебе письмо. Помню, как бежала утром в минус двадцать, просунула конверт в узкий рот почтового ящика и тотчас пожалела об этом. Думала: ну зачем? К чему размазывать все это?

– И... – Ты плотно сжимаешь губы, боясь выпустить оттуда слова. Но я чувствую, что они нетерпеливо столпились и вот-вот вывалятся мне на ладони.

– Я сломала ящик и забрала его обратно... Ну да, струсил.

– Если бы я тогда услышал хоть что-то от тебя, это значило бы равнодушие... Это значило бы много. Я сражался бы... Почему так скоро вышла замуж?

– Я не знаю. Мне хотелось этого. – Я тихонько смотрю на тебя снизу, боясь, что мой ответ разозлит тебя еще больше, но ты только запихнул руки поглубже в карманы, отвернулся и пошел в спальню. Потом вернулся.

– Кать, скажи, ты что, маленькая девочка? Ты что, дурочка?! Ты просто так берешь и калечишь людей! Меня, себя, мужа своего. Ломаешь, давишь, разбиваешь вдребезги. И главное: вы посмотрите – у нее нет ответов, нет причины, просто захотелось! Так вот, прежде чем что-то делать – надо знать точно, зачем и почему! Знать.

Твои слова пробивают в воздухе дырки, они пахнут металлом и зимой.

– Я так чувствовала, этого мало?

Ты смотришь молча на меня, потом закрываешь глаза и качаешь головой.

– Дима знает, что ты здесь?

– Нет, мы расстались. Мне хотелось быть честной с ним.

Ты смотришь на меня как на сумасшедшую.

– Хороша честность. Он любит тебя, ты хоть это понимаешь?

Это все начинает мне надоедать, не так я представляла нашу встречу и наш разговор.

– Так... Все. Это тебя не касается. Я не хочу, чтобы ты лез в это. Это осталось у меня дома за двумя дверьми.

– Я сам решаю, что касается меня, а что нет. И это ты спустя три года пришла ко мне. Ты можешь спокойно жить, как все? Не разрушать все вокруг? – Ты нависаешь надо мной, и я чувствую, как пахнет твое тело: немного мылом и сигаретами. Раньше оно пахло по-другому. Новая жизнь впитала новые запахи. Я стараюсь не смотреть тебе в глаза, как учат не смотреть в глаза дикому зверю, и не касаться тебя. Пытаюсь услышать, что ты говоришь. Но во мне настойчиво зреет желание, от которого я не могу отделаться, желание, которое перекрывает все вокруг: я хочу знать, что я чувствую к тебе – реальному и настоящему, не к тому, кто снится мне каждую ночь, кого я тихо преследую, а к тому, кто стоит рядом. Желание влезть в твою кожу, перебрать все складки, рассмотреть хорошенько каждую, принюхаться, пощупать. Я трясу головой, чтобы немного прийти в себя.

– Антон, ванна на прежнем месте?

– Кажется, да...

В ванной я склоняюсь над раковиной и тру лицо холодной водой, словно стараясь смыть все мысли и усталость. Поднимаю голову, протягиваю руку за махровым полотенцем, прикладываю его к лицу и... чувствую твое присутствие сзади. Ты прижимаешься лбом к моему затылку и вдыхаешь запах моих волос. Пять минут, десять.

– Антон...

Вместо ответа – грубая ладонь на моих губах. Твои губы ищут мою шею.

Просыпаюсь рано утром или вообще не спала? Голова как в тумане. Всю ночь ворочалась, думала о кровати, белье, подушке. Кто здесь спал до меня? Чужое все. И ты чужой рядом, сопишь самодовольно. Или кажется... Страшно и странно видеть себя в зеркале новую, другую. И что теперь? Пусто... Оставляю на столе листик с замятыми углами, он твой. Всегда был твой. Надо было намного раньше его вернуть, а то тянул вниз. Теперь в кармане чисто, как и на сердце. Быстро поднимаю свои вещи с пола, натягиваю холодные джинсы и свитер, стараюсь тихо закрыть за собой дверь. Сбегаю по лестнице, вырываюсь на улицу, жадно заедаю пустоту ложками воздуха. И иду мимо своего дома, мимо утренних желтых светофоров и оранжевых дворников. Иду с каждым шагом все увереннее.

Я. Не люблю. Тебя. Я. Свободна. Тоска глубоко внутри отпадает кусками, словно старая штукатурка.

Я поворачиваю на какие-то улицы, перехожу дорогу в неположенных местах. Потом чувствую голод. И наконец появляется цель. Ноги несут меня на поиски кафе. Семь утра в субботу – не много работающих в это время мест, но спустя полчаса я вижу небольшое заведение через дорогу. Забегаю туда, устраиваюсь поудобнее за столиком у окна. Рядом со мной мгновенно появляется официант.

– Доброе утро. Вы уже знаете, что хотите? Или подойти попозже?

Я недолго думая отвечаю:

– Да. Я определенно знаю, чего я хочу.

– Я вас слушаю.

– Я не хочу быть с ним... Я хваталась за прошлое, пыталась создать заново то, чего нет. Я хотела его трехгодичной давности, но, к сожалению, людей нельзя закупоривать, как вино в бутылки, и ставить дату... Антон–2008. Прекрасный терпкий вкус, такой родной... Что еще... Я не хочу возвращаться к мужу. Я отнимаю у него право быть любимым, а у себя возможность полюбить. Нечестно. И наконец. Я хочу овсяную кашу с ягодами, чтобы рядом лежала ложка айвового джема. Потом принесите мне сэндвич с индейкой, вялеными помидорами и белым сыром, будьте любезны, и чашечку крепкого кофе с холодным молоком. Вот чего я хочу.

– Кофе сразу? – Официант у меня настоящий профессионал – ни капли смущения.

– Да, пожалуй, – отвечаю я и откидываюсь на спинку соломенного кресла. Смотрю на улицу сквозь капли на окне, потом закрываю глаза и, кажется, засыпаю на некоторое время. Впервые вижу сон-пустышку. Просыпаюсь от теплого запаха каши, который бьет мне в нос. Я улыбаюсь.

Листик А4. На нем нарисована кривая клякса, за ней твое имя причудливым шрифтом... Слова.

«Прости. Прости, и мы вырастем с тобой во что-то новое, настоящее, в то, к чему каждый из нас с тобой стремился. Я правда люблю тебя. Доказательство моей любви – моя с тобой честность. Просто не могу с тобой, понимаешь? Абсурдно. Я должна быть одна, чтобы стать самой собой. А сейчас ты лепишь меня и мой мир, все это зыбко».

Дальше еще много-много букв, которые тянутся стройными рядами из строчки в строчку, местами спотыкаясь об обрыв страницы и наваливаясь друг на друга. Все это время я носила у себя в кармане письмо с вдавленными внутрь буквами, со смыслом, который со временем не выветрился. Все было верно, а потому осталось неизменным.

Я продолжаю жить. Я продолжаю искать себя. Не в тебе. На этот раз точно. Прощай.

С ногами на подоконнике

Часть 1

Больница. Мне вставили катетер, и я провалилась в глубокий вязкий сон, плюхнулась туда как в болото, чувствуя как медленно засасывает тело... Прошла целая вечность, от которой у меня затекла рука и защемило в спине. Открыв глаза, с радостью обнаружила, что теперь все в двоичном варианте: вместо одного соседа – два, вместо двух ног – четыре и все в таком же духе. Что они мне вкололи?! Что-то, от чего предметы разбегаются по сторонам, а в животе легкая эйфория. Если бы не слабость в ногах, я бы кинулась танцевать по палате, расцеловала милого соседа-алконавта (вернее, двух), выпрыгнула через окно на улицу, чтобы бегать, перепрыгивать через пешеходную зебру и пачкать прохожих сливками с эклеров. Надо немного набраться сил, и я обязательно это сделаю.

Спустя какое-то время дико захотелось курить, но я вспомнила, что сигареты забрала медсестра... Сволочь. И у нее же остались мой телефон, кошелек и расческа. Даже интересно, что я могла бы сотворить этими опасными предметами.

С трудом перебирая железные ноги, добралась до зеркала. В нем стояли две помятые блондинки, с родинкой у пухлых губ, даже большой бюст влез в этот откровенный отражающий кружок. Вполне симпатично для съехавшей с катушек...

От созерцания меня отвлекло бормотание соседа.

– Ничто не может гореть еще раз, если уже когда-то сгорело. Это физика...

– Согласна.

Кажется, я произнесла это про себя: губы мои не шевелились.

– Большая серая машина давит всех, никого не жалеет. В этом ее сила и ее слабость. –

Очередные мудрые мысли белой горячки вслух...

Итак. В чем дело, спросите вы? А я посмотрю на вас из-под челки... И расскажу. До пластикового обеда еще далеко. Так что время есть.

Мои воспоминания носят слегка рваный характер – как яркие вспышки: тут, там, сзади, сбоку. Никакой хронологии, просто вспышки...

Весна началась, я уже вторую неделю шаталась по ночным сеансам в кино, объедалась мороженым и плакала в машине под Иванушек. Так принято делать, когда тебе тридцать и ты о чем-то сожалешь, чего-то не ждешь. Читала стопки книг на работе, качала из интернета любовные романы и распечатывала сотнями белых страничек, не жалея рабочую бумагу. Суровая Л. Б. из канцелярии постоянно язвила на этот счет и смотрела из-под круглых очков недоверчиво, когда я приходила с очередным прошением о листах А4. Возможно, она воображала, как я распечатываю запрещенные листовки...

После вчерашней бессонной ночи я поглощала кофе в неразумных количествах, но снам это не мешало: они нападали внезапно, как вор из-за угла. Хотелось свернуться на кофейном аппарате калачиком и тихо мурлыкать что-нибудь себе под нос.

К концу рабочего дня я была похожа на грустную помятую картинку. Собрала вещи, поставила кабинет на охрану и поплелась по длинным коридорам с коричневыми дверями, от каждой из которых отражался стук моих каблучков. В лифте пахло пылью и столовскими котлетами. Видимо, кто-то нес домой ужин... И если у каждого слова есть свой цвет, то тоска – не зеленая, а серая. Мутная сероватая жижа. Я знала это точно, потому что болталась в ней целыми днями. Спустилась на первый этаж, накинула пальто и направилась к рамкам с охраной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.